

Надконфессиональные аспекты самоидентификации казахской элиты в контексте социальной трансформации в истории Казахской автономии

Муканова Гюльнар Кайроллиновна
КазНУ имени аль-Фараби, Алматы (Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор

Влияние этико-нравственных учений, таких как толстовство, известное время сосуществовавших с идеологией коммунизма в регионе, косвенно повлияло на формы пассивного группового социального протеста. Социальные протестные явления в крае в 1920-е годы в первую очередь имели первопричиной земельный вопрос, или нарушение размеров и ритмов кочевков. Смагул Садвокасов (1900–1933) был одним из тех руководителей казахской автономии, кто сумел «вжиться», по выражению Н.А.Бердяева, в толстовство, равно как воспринял посыл книги Освальда Шпенглера «Закат Европы». Влияние толстовства на мировоззрение национальной интеллигенции Степного края и ранее, в рамках событий марта-октября 1917 года в России, безусловно. Учение Льва Толстого оказало влияние на формирование взглядов прогрессивной казахской молодежи, примкнувшей к лидерам национального движения Алаш. Тема поликультурности и внеконфессиональности плане поиска казахской элитой устойчивой методологической платформы, альтернативной изживавшим себя прежним устоям, способна вывести на интересные исторические параллели.

В статье делается попытка подойти к процессу эволюции взглядов передовой интеллигенции Казахстана, в первой трети XX века, через призму иноэтничной и иноконфессиональной идеологии, толстовства. Практику толстовских коммун в аграрном секторе, С.Садвокасов воспринял в качестве рационального социального инструмента, с помощью которого эволюционная смена многовекового уклада жизни целого народа казалась реальной. Заявленная тема соотносится с научными методами диалектической логики, антропологии и исторической этнологии. Практическая значимость исследования видится в обнаружении фактов целенаправленного духовного борения национальной интеллигенции. Большинство лидеров национальной автономии стали жертвами незаконных политических репрессий, тогда как их взгляды на переустройство традиционного хозяйства, земельный вопрос, районирование и другие представляют интерес.

Предмет исследования – место толстовства в начале XX века в среде казахской, идентифицирующей себя преимущественно мусульманской, передовой интеллигенции. Официальные анкеты, идентифицирующие принадлежность казахской политической элиты к коммунистической партии в СССР, не способны передать реальной ситуации. Вместе с тем, не секрет, что в национальных республиках учение Маркса-Ленина накладывалось на традиционное мировоззрение. Исследование нарративных и архивных

источников по теме исследования подкреплялось изучением контента советской периодической печати. Архивы Республики Казахстан, Российской Федерации хранят любопытные источники. Рассекреченные источники, представляющие собой протоколы допросов 1930-х годов соратников С.Садвокасова по работе в правительстве КазАССР, раритетные фотографии исторического периода, региональная пресса: «Советская Сибирь», «Енбекшил казак», «Бостандык туы», «Кызыл Казакстан» были использованы в ходе изучения темы.

Тема толстовства в России и советском государстве имеет свою историографию. Издания постсоветского периода [Петрова, 2003] [Прокопчук, 2010] уделяют внимание географии и социальной принадлежности адептов толстовства, статистике членства в коммунах. Исследование Т.Петуховой [Петухова, 2008] охватывает первое десятилетие после Октября. Ценность этого издания заключается в рассмотрении толстовства на фоне социальной трансформации. В связи с Февральскими событиями 1917 года начинается период активной общественной деятельности толстовцев. В Москве в июне 1917 года создается Общество Истинной Свободы в память Л. Толстого. [Петухова, 2008:4] С Февральской революцией были связаны надежды толстовцев на разрешение социальных проблем и издательской деятельности без цензуры. [Петухова, 2008: 21]

Тема толстовства в дальнем зарубежье представлена рядом изданий, в частности американского автора [Green, 1983]. В немецком издании [Birukoff, 1925] рассматриваются идеи Льва Толстого о восточных верованиях, мировых конфессиях и т.п. Фигура самого автора Бирюкова, в библиографии толстовства весьма колоритна: М.Эдельштейн упоминает факт, когда Бирюков смело предлагал Сталину даже издать журнал «Сектант-коммунист» и «вождь» благосклонно отнесся к коммунарам, занимавшимся сельским хозяйством. [Эдельштейн]

Интерес к трудам русского классика за рубежом сохраняется. В 1988 году в британском издательстве Penguin Classics увидела свет книга «Лев Толстой. Исповедь и другие религиозные сочинения» в переводе Джейн Кентиш. [Kentish, 1988] Итальянский редактор, переводчик и автор предисловия Jay Parini в том же издательстве Penguin Classics в 2009 году выпустил книгу о поздней переписке Льва Толстого. [Parini, 2009] Об авторе известно, что Джей Парини преподает в Мидлбери и живет в Вермонте. Профессор, заведующий кафедрой русского языка Оксфордского университета Zorin Andrei, соавтор издания «Периферия Европы 1762–1825 гг.: Самоиздание российской элиты» и исследования о Льве Толстом. [Zorin, 2020] Данная авторская работа отличается критической позицией к взглядам классика относительно коммун.

Среди последних по дате, вполне в духе времени - электронная книга о Льве Толстом, изданная в Лондоне, у нее три автора: Гилберт Честертон, Джордж Перрис, Эдвард Гарнетт в 2013 году. [Gilbert Chesterton, George Perris, Edward Garnett, 2013]

Анализ зарубежных публикаций показал, что несмотря на подтвержденный факт наличия сельхоз коммун под эгидой учения Л.Толстого на африканском континенте, в Индии и Японии, тематических трудов в разрезе континентов не встречается. В книгах зарубежных авторов не обнаруживается данных о толстовцах в Западной Сибири и Казахстане, что актуализирует важность изучения социально-политической истории региона, который специалисты-агрономы относят к зоне рискованного земледелия. Региональные аспекты истории толстовских коммун в Западной Сибири, социальный состав и численность коммунаров в исследуемый период рассматривали российские ученые [Петров, Должиков, 2013]. В интересном сборнике «Воспоминания крестьян-толстовцев», состоящем из архивных и нарративных источников, встречается запись об Алма-Атинской общине толстовцев, советского периода. [Воспоминания, 1989:147] Однако данное объединение не совпадает с хронологическими рамками нашего поиска. К тому же Смагул Садвокасов практически не успел поработать в этом городе, поскольку вынужденно покинул пределы республики в начале 1928 года, когда столицу Казахстана лишь планировали передислоцировать из Кызылорды в Семиречье.

Собственно, в казахстанской историографии о последователях учения Толстого начала XX века среди казахской элиты специальных работ не имеется, за редким исключением тезисов в материалах республиканских конференций. [Муканова, 2013б:157] Перспективным представляется изучение толстовских коммун в Туркестане, под Ташкентом. Период репрессий отличается большим количеством материалов допросов, когда один из подвергшихся партийному разбирательству в КазГУ в 1931 году, преподаватель А.Байдильдин показал, что коммунист Смагул Садвокасов в молодости увлекался толстовством. [Муканова, 2015: 127] Сегодня казахстанские архивисты ведут большую работу с рассекреченными материалами, в числе которых представляет интерес ранний этап деятельности правительства Казахской республики (1920–1926 гг.), решения Совнаркома республики и КазЦИКа по вопросу о религиозных праздниках. [Государственный архив Северо-Казахстанской области - ГАСКО. Фонд 2. Описание 1. Дело 394. Лист.150. Ф.69. Оп. 1. Д.36. Л.1об.]

Протокол общего собрания партячейки Наркомпроса и сотрудников КазГУ 1931 года зафиксировал в составе председательствующей «тройки» ректора вуза Санжара Асфендиярова и еще двух коммунистов. [Муканова, 2013а: 116] Зафиксирован факт знакомства Байдильдина с опальным на тот момент и покинувшим Казахстан, С.Садвокасовым. Байдильдин указал, что Садвокасов не сразу воспринял коммунистическое учение, а был в студенческие годы, до 1917 года, толстовцем. Упоминание о том, что Садвокасов увлекался толстовством, в 1931 г. не могло серьезно повредить, вместе с тем оно указывало на то, что он не сразу воспринял позицию большевиков. [Муканова, 2013б: 117] Новое прочтение биографии опального наркома, его прижизненных публикаций, через призму его сближения с толстовством, вывело на интересные результаты. Для удобства

выделены этапы пребывания С.Садвокасова в Омске, Оренбурге, Кызылорде, Ташкенте и Москве, совпадающие с его политическим и карьерным ростом.

Омский период. Годы учебы Смагула по специальности «Агроном», выбор профессии состоялся не без влияния учения Л.Н.Толстого. Впоследствии Смагулу пригодятся полученные знания во время работы в Госплане, планировании территориального размежевания со среднеазиатскими республиками и районировании КазАССР. Историческая параллель: специальность «Агрономия» в сельскохозяйственном колледже выбрал японец Арисима Такэо – выходец из аристократической семьи, христианин по вероисповеданию. Духовные поиски смысла жизни привели молодого жителя Страны Восходящего Солнца к идеям Л.Толстого о важности физического труда и земледелия. Хотя Такэо имел возможность поступить в престижный университет, он сделал свой выбор, следуя заповедям толстовства.

В омский период С.Садвокасов приобщился к толстовству. Географическая близость малой Родины Садвокасова – аула Жаркын (ныне – территория Акжарского района Северо-Казахстанской области) к Омску, где он продолжил образование, окончив сельскохозяйственное училище и кооперативные курсы при Политехническом институте, оказала заметное влияние на выбор профессии. Следует отметить, что сказалось тяготение к другому административно-культурному центру Западной Сибири, и Семипалатинску – областному центру региона, где жили Абай, Шакарим, Мухтар Ауэзов, русские политические ссыльные, обусловили раннее знакомство Смагула с классической русской литературой, трудами Льва Толстого. Акмолинская и Семипалатинская области Российской империи отличались полиэтничным составом населения, в них земледельческие хозяйства были доходными.

В омский период вышли агрономические очерки Садвокасова «Нужды аула (Очерки киргизской жизни)» в газете «Трудовая Сибирь» 9 июня 1919 года. [Южно-Казахстанский региональный архив - ЮКРА. КП № 336/4] Другой казахский писатель, переводчик, профессор Мухтар Ауэзов (1897–1961) в юности, как выясняется, также был склонен к толстовству. [Исина, 2008:58] Известно, что Ауэзов и Садвокасов были хорошо знакомы, безусловно разделяя общие интересы. Возможно, каждый из них пришел к толстовству самостоятельно, либо поделился увлечением с другом.

М.О.Ауэзов родом из семипалатинского региона, где в библиотеке книги Толстого были доступны. Исследователи приводят фрагмент воспоминаний писателя, в которых он признается: «Вы думаете, легко мне было в старомодном медресе? И вот мало кому известно, что во время учения в Семипалатинской учительской семинарии я увлекся толстовством». Ауэзов также вспоминал, что с удовольствием прочел повесть Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» и другие рассказы, ему импонировал интерес классика к литературе Востока. [Исина, 2014] Перу Ауэзова принадлежат переводы на казахский язык ряда произведений русского писателя: рассказы «Булька», «После бала», «Будда». Его переводы печатались в

казахских журналах и газетах уже в двадцатые – тридцатые годы XX века. Творчеству Толстого, помимо Ауэзова, отдали дань ряд казахских просветителей: в конце девятнадцатого столетия впервые перевел и включил в свою книгу «Киргизская хрестоматия» рассказы Льва Николаевича европейски образованный педагог, основатель первых школ в Тургае Ибрагим (Ибрай) Алтынсарин. Это: рассказы для детей «Китайская царица Силянчи», «Царь и рубашка». «Праведный судья», «Визирь Абдул», «Три вора», «Пожарные собаки» с исключительно восточным колоритом.

В начале XX века переводил Толстого известный казахский философ, историк Шакарим Кудайбердыев. После путешествия в Европу Шакарим написал стихотворение «Смолоду турецкий изучил...», в котором указал влияние русского классика на его мировоззрение: «И от слов не отрекаюсь / Ученик я Льва Толстого...». [Смагулов, 2012:230] Такое признание способно поведать о духовных поисках Шакарима. Если помнить, что Шакарим совершил хадж в Мекку, центр исламского вероучения, то признание влияние толстовства характеризует его как человека с широким кругозором, открытого для познания.

К числу первых казахских переводчиков Льва Толстого принадлежит писатель Спандияр Кубеев (годы жизни), давший возможность читать на родном языке рассказы «Лгун», «Богач-барин и бедный портной», «Муравей и голубка», «Осел и лошадь», «Старый дед и внучек».

Оренбургский период. Столица Казахской республики вначале располагалась в г.Оренбург, (1920 – апрель 1925). Садвокасов входил в комиссию при Наркомпросе республики по делам издательств. В январе 1921 года ему было поручено комиссией при Наркомпросе, в числе других лиц, перевести с русского на казахский язык, труды, разъясняющие в доступной форме отношение марксистов к религии и верованиям. Так, книгу «О происхождении богов» Ярославского С.Садвокасов перевел и подготовил к изданию в начале 1920-х годов. [АП РК. Ф.139.оп.1. д.730. л.1-3] Любой, занимающийся переводами, так или иначе вчитывается в идеи автора оригинального текста и мысленно с ним соглашается или спорит. Каково было отношение Садвокасова к содержанию книги Ярославского, восстановить не представляется возможным, однако учитывая его цельный характер, можно утверждать, что контент книги Ярославского был ему интересен. Как отмечалось выше, Смагул Садвокасович входил в состав комиссии по контролю (мониторингу) выпускаемой печатной продукции, на территории Казахстана. Иными словами, отбор книг для перевода на казахский язык по большому счету находился в его ведении. Известно, что подобные перечни рекомендовались национальным республикам из ЦК партии. Сам факт, что издание Ярославского стало объектом перевода, склоняет чашу весов в пользу заинтересованности казахских лидеров в просвещении населения в вопросах природы суеверий и религий, с научной позиции.

В Оренбурге, в журнале «Кызыл Казакстан» в 1924 году (№ 7) Садвокасов публикует программную статью «Новая эпоха в Средней Азии», в которой

обозначил направления работы. Эпоха требовала полной отдачи, энергичного и делового подхода, с учетом национальной специфики, утверждал авто статьи.

Кызылординский этап. С переносом в очередной раз столицы Казахской республики из Оренбурга в г.Кызылорду (весной 1925 года целый ряд наркоматов и служб осуществили переезд на юг), также насыщен масштабными событиями. Близилась дата пятилетия образования Казахской республики, в связи с чем снимались документальные фильмы, готовился сборник достижений со статистическими сведениями и проч. Состав правительства Казахстана запечатлен на одном из сохранившихся фотоизображений, которое датируется 1925 годом. Садвокасов работает в должности наркома просвещения [Архив Президента Республики Казахстан - АП РК.Ф.719.Оп.1. Д.944. Л.9]. Эта редкая фотография С.Садвокасова обнаружена в фондах Кызылординского областного архива. То был период переезда в Ак-Мечеть, небольшой городок на берегу Сырдарьи, который в традициях новой эпохи был переименован в Кызылорду (Кызыл - «красная», орда – «центр», «столица»). На групповом снимке, в стиле «визитка», - члены Правительства республики, среди них узнаются Нурмаков, Маймин. Фото ветхое, подписи неразборчивы, выполнены кириллицей. Интересно, что среди других коллег, большинство которых мужчины, есть фото двух представительниц слабого пола. Женщины в кожаных куртках, кепках с козырьком. [Государственный архив Кызылординской области - ГАКО. Ф. 885. Оп.3. Д.2. Л.23]

Обращает на себя внимание оформление паспарту фотографии: фон снимка позволяет идентифицировать особенности эпохи. В левом верхнем углу размещен портрет Ленина. По центру наверху - Герб республики. Следующая уникальность найденного артефакта - в цветном фоне, напоминающем ковер, на котором сохранились изображения местного колорита: верблюды, купола мечетей, то есть передана специфика географии и экологии сырдарьинского региона начала 20-х годов прошлого века. Форма одежды большинства членов правительства – гимнастерки времен гражданской войны, реже – пиджаки. Изображение куполов мечетей символизирует, по замыслу оформителя визитки, восточную экзотику. В тот период еще изображения культовых предметов, тем более на коллективном фото членов правительства, что очевидно, не вызывали критику и не подвергались осуждению.

Действительно, анализ текстов официальных указов, публикаций в печати и ведомственной переписки в системе Наркомпроса и губернских профсоюзов работников образования 1920-х годов, и даже второй половины 20-х годов, явственно показал толерантное отношение власти КазАССР в вопросах религиозных чувств граждан. Архивные находки позволяют реконструировать характер распоряжений правительства, инструкций партийно-советских органов. Они скорее носят сдержанно-императивный тон в вопросах, прямо касающихся духовных запросов граждан. Пример: из Кызылорды поступали в губернии указания, в какие дни Наурыза (наступление весны у народов Востока), Ораза-

айта (главный мусульманский праздник, следующий после ежегодного месячного поста; имеет тенденцию к смещению даты ввиду зависимости от лунного календаря) или Пасхи и прочих религиозных праздников, рабочие и служащие могут отдыхать и не выходить на работу. Цитата: «Воспрещается производство работ в следующие особые дни отдыха: а) 3 и 4 апреля – Рамазан-Айт; б) 10, 11 и 12 июня – Курбан-Айт; в) 15 августа – Успение». [ГАСКО. Ф. 2. Оп.1. Д. 394.Л.150]. Документ - из разряда директивных указаний Губернского отдела профсоюза работников просвещения, датируется 6 марта 1927 года.

То есть, советская администрация Казахстана во второй половине 1920-х годов еще признавала социальную значимость религиозных праздников в жизни граждан и предоставляла освобождение от работы. В полиэтничном Казахстане в распоряжениях указывались как мусульманские, так и христианские праздники. Позже, вплоть до распада Союза, празднование Наурыза, Ораза-айта официально преследовалось, хотя население, особенно в южных областях республики, отмечало их тайно, в узком семейном кругу. Деятельность мечетей была вовсе прекращена в Казахстане в хрущевский период. Здания мечетей, синагог, церквей, нередко представлявшие памятники культуры, архитектуры и зодчества, были снесены либо, к большому сожалению, использовались не по назначению: как склады, подсобные помещения заводов, спортивные клубы и т. п. Такие факты зафиксированы в истории многих городов/.

В одной из анкет указано образование Смагула как «Агроном». [АП РК.Ф.139. Оп.1. Д.919. Л.194] Агрономические знания пригодились С.Садвокасову при апологии эволюционных форм перехода к оседлости и коллективизации кочевых хозяйств. В марте 1926 года в Кызылорду прибыли из Австрии члены сельскохозяйственной коммуны «Ульфельд», которым были предоставлены сроком на 20 лет в аренду земельные участки в местности Большой Сабалак, они смогли приобрести семенной фонд и тягловый скот. О факте скорого прибытия коммунаров сообщалось ТАСС, и заметка «Австрийские эмигранты в Казахстане» была перепечатана в региональной прессе. Так, в номере 54 (1892) газеты «Советская Сибирь» от 6 марта 1926 года появилось краткое сообщение об этом. В 1925–30 данная газета была органом Сибкрайкома ВКП(б), Сибкрайисполкома, Новосибирского окружкома ВКП(б) и окрисполкома [Советская Сибирь, 1926 № 54] Австрийские граждане приехали с детьми, правительство Австрии выдало им подъемные и обещало выделить технику. Коммуна ставила приоритетом самообеспеченность продуктами, занятия полеводством, огородничеством, что ставит ее в один ряд с аналогичными объединениями Западной Сибири. [Государственный архив Новосибирской области - ГАНО. Ф. 47. Оп.5. Д.118] Этот малоизвестный факт подтверждает обширную географию толстовства, последователи которого находили приют в советском Казахстане в годы НЭП.

В Кызылорде в 1926 году Смагулу было поручено подготовить доклад на закрытое заседание Бюро Казахского Краевого Комитета ВКП(б) об

антирелигиозной пропаганде. В Протоколе закрытого заседания БККК за № 12 от 13 октября 1926 года фиксируется выступление Садвокасова с упомянутым докладом. [АП РК. Ф. 141. Оп.18. Д.57. Л.53] На октябрьском заседании «присутствовали члены Бюро: Джандосов, Киселев, Исаев, Садвокасов, Каширин, Татимов, Курамысов, Каипназаров. По п.1. Бюро постановило: 1. На основе обмена мнений по докладу поручить т. Садвокасову, Джандосову и Каширину разработать проект резолюции и внести на следующее заседание Бюро». [АП РК. Ф. 141. Оп.18. Д.57. Л.53]

Тематика доклада наркома просвещения С.Садвокасова была в духе времени и задачи просвещения, в том числе атеистического, входили в круг его должностных обязанностей. Содержание самого доклада и резолюции (если она была подготовлена) на данный момент не выявлены. Дата созыва «закрытого» заседания может указывать на атеистическую сущность планируемых агитационно-пропагандистских мероприятий. Перенос столицы из Оренбурга в Кызылорду, в регион с преобладающим влиянием улемов (служителей мусульманских духовных храмов, имевших довольно системное образование и владевших методами работы с прихожанами), остро поставил задачу активизировать встречную агитационную работу среди родителей потенциальных учащихся начальных школ и т. д.

Сохранились также фрагменты тезисов доклада С.Садвокасова о народном образовании, где докладчик приводил цифры новых светских школ в крае. Отмечалась положительная динамика численности советских школ. Садвокасов остановился в своем выступлении на факте наличия в крае мусульманских учебных заведений (медресе), при этом указав, что их роль в обществе минимальна. Советская идеология отделила церковь от государства, а школу от церкви. По содержанию тезисов очевидно, что в Казахстане наличие и деятельность мусульманских учебных заведений в середине 1920-х годов, остававшихся наследием прежнего строя, еще не получили жесткого запрета. Нарком Садвокасов приводит статистику роста заработной платы учителей. Эти доводы безусловно должны были повлиять на сознание родителей учащихся, которые скорее выбирали светские школы, в которых учителя трудились с большей отдачей. Тогда как за учебу детей в медресе при мечетях родители должны были вносить плату из семейного бюджета. Так доходчиво, с цифрами в руках, нарком Смагул Садвокасов разъяснял преимущества советской системы народного образования. [АП РК. Ф.140. оп.1. д.80. л.19.]

Любопытно, что примерно в тот же период, в 1927 году, скончались два толстовца: известный японский писатель Акутагава Рюноскэ (род. в 1892 году), в трудах которого неоднократно встречается термин «толстовство». Например, в его рассказе «Осень» с иронией говорится: «модное в то время толстовство». В другом рассказе «В стране водяных», написанном с тонкой иронией и вкусом, на грани реальности и вымысла, японский писатель делает ремарку о Толстом, что «он был аристократом и все силился поверить в Христа». [Акутагава, 2017:391]

И это не единственный пример из истории японской культуры, когда приобщение к учению Толстого оказало влияние на жизненный путь его почитателей. Так, Токутоми Рока (Кэндзиро) – известный японский писатель и переводчик (1868–1927) лично встречался с Л.Толстым в Ясной Поляне в 1906 году. О Токутоми известно, что он был крещен, учился в школе миссионеров, а во второй половине жизни вместе с супругой занялся сельским хозяйством на собственной ферме.

Известный русский философ Н.А.Бердяев своеобразно выразил свое отношение к философским исканиям, которые были на слуху в первой четверти XX века: «Я с большой чуткостью мог вжиться в толстовство, буддизм, кантианство, марксизм, ницшеанство, томизм, германский мистицизм, религиозную ортодоксию, экзистенциальную философию, но я ни с чем не мог слиться и оставался самим собой». [Бердяев, 1991: 270] Данная цитата фиксирует место толстовства в ряду других современных ему, учений. В данном контексте понятие «вжиться» означало скорее приобретенный, нежели врожденный, характер перечисленных Бердяевым течений духовной мысли. Если для адептов классической философии они не представляли большого практического интереса, то напротив лицами, настроенными решительно в плане перестройки собственной социальной роли и самоидентичности, обладавшими к тому же лидерскими качествами, толстовство воспринималось иначе.

Московский этап. Москва в биографии и научно-публицистической деятельности Смагула Садвокасова занимает отдельное место. Он часто выезжал в Москву в командировки, был на встречах со Сталиным, впоследствии учился в Московском институте инженеров транспорта (1928–1932 гг.). Одновременно публиковал литературные и научные труды. Статья его «Краеведение в национальных районах» увидела свет в шестом номере московского журнала «Известия Центрального Бюро Краеведения» в 1928 году. Семья Смагула, жена Елизавета с сыном, тоже жили в Москве, а ее отец, А.Н.Букейханов, видный представитель казахской элиты, работал в Издательстве народов СССР. Это стало основанием для выделения московского этапа деятельности С.Садвокасова, как имевшего значение в плане кристаллизации его взглядов по толстовству аграрному вопросу, в ходе его общения с Букейхановым, имевшим опыт землеустройства в Западной Сибири.

Алихан Букейханов принялся за переводы повестей и рассказов классика одним из первых в Казахстане, его круг общения зачитывался произведениями Л.Н.Толстого. Ряд из молодых казахов увлеклись идеями толстовства. Интересно было выяснить позицию лидера партии и правительства Алаш, потомственного чингизида Алихана Букейханова в отношении толстовства, точных сведений об этом нет. Известно вместе с тем, что Алихан Нурмухамедович одним из первых публиковал переводы рассказов Льва Толстого, в частности «Суратская кофейня» (перевод вышел в газете «Степная» в 1900 году, № 10–11). Практически информация и переводческой деятельности Букейханова долгие годы не вводилась в научный оборот. Казахский государственный деятель, публицист,

политик и идеолог А.Н.Букейханов пал жертвой репрессий. Соответственно, его имя не упоминалось, хотя о переводах «Хаджи-Мурата» писала Сатпаева Ш.К. в книге «Веяние времени». [Сатпаева, 2000] Назывались фамилии других переводчиков Толстого: Г.Орманов, Ж.Сыздыков, Г.Каирбеков. Только с распадом СССР и рассекречиванием архивов, стало возможным вернуть в историографию темы вклад А.Букейханова в ретрансляцию произведений классика в казахской интерпретации. После установления власти Советов, А.Н.Букейханов находясь в Москве, в сентябре 1923 года окончил перевод «Хаджи-Мурата» Толстого и издал его в следующем году. Книга «Кажы Мурат» на казахском языке, арабской графикой издания 1924 года хранится в Алматы, фондах Национальной Библиотеки РК. Выходные данные книги доводят до читателей информацию, что тираж книги, вышедшей в типографии «Красный Восток», составил 4000 экземпляров. Автор перевода указал псевдоним «Кыр баласы», или «Сын степей». Таким псевдонимом Букейханов подписывал и другие свои статьи, начиная с журнала «Айкап» (1911–1915 гг.). Фрагменты перевода Букейханов сумел издать в газете «Ак жол» («Светлый путь»), выходившей в Ташкенте, в 1923 году. Использование псевдонима объясняется цензурным вмешательством в книгоиздательский процесс; Букейханов опасался, что в противном случае книга не выйдет.

Букейханов перевел повесть «Хаджи-Мурат», вышедшую после кончины Толстого. Повесть насыщена этнографическими наблюдениями, русский писатель сумел передать особенности моральных устоев чеченского народа и мусульманской этики. Сюжет повести передает накал внутренней борьбы Хаджи-Мурата, писатель сочувствует герою и основной вывод в повести – о неприятии насилия. Толстой с пониманием относится к иной конфессии, традициям Кавказа. Букейханов изучал творчество Л.Н.Толстого с точки зрения целесообразности использования морально-этических норм социального поведения для их популяризации в казахском обществе. Стоит отметить, что в знакомый с лидером Алаш с 1917 года, Садвокасов многому учился у Букейханова. Совпадение взглядов обоих: Букейханова и Садвокасова, - на пути просвещения общества и подъем экономики Казахстана оттачивалось посредством дискуссий. В отличие от младших по возрасту, Садвокасова и Ауэзова, сам Алихан Нурмухамедович официально толстовцем себя не позиционировал. Есть мнение, что Букейханов некоторое время примыкал к масонству (самарский период). Впрочем, о масонстве писал Лев Толстой в знаменитом романе «Война и мир» как о распространенном в среде русской аристократии, течении.

Налицо сложный путь исканий. Смагул Садвокасов под влиянием событий гражданской войны и компромисса руководителей национального движения Алаш вступил в 1920 году в ряды коммунистической партии. Изучив труды Маркса и Ленина о революции, Садвокасов воспринял положительные стороны марксистского учения. Приход к власти в России и Казахстане большевиков,

объявивших вначале отделение церкви от государства, а позже перешедших к тотальному атеизму и преследованию любых инакомыслий, обратил молодежь в ряды ленинского коммунистического союза (комсомол). Садвокасов с 1920 года использовал лозунги комсомола и коммунистической партии в целях призыва казахской молодежи учиться и активно участвовать в социальных реформах. Формально он вступил в ряды партии в 1920 году. Несомненное влияние взглядов Л.Н.Толстого на выбор С.Садвокасовым специальности «Агрономия» в Омском училище выводится путем компаративных исследований. Анкета, заполненная рукой самого Смагула с указанием образования, обнаружена нами в фондах одного из региональных архивов Казахстана. [ЮКРА]

Смагул Садвокасов впоследствии сменит вид деятельности на общественную и административную. Однако еще живя в Омске, он сотрудничал с редакцией журнала «Трудовая Сибирь», в котором опубликовал несколько своих статей. Одна из них в июньском номере за 1919 год называлась «Нужды аула (очерки киргизской жизни)». Экземпляр издания хранится в фондах Южно-Казахстанского регионального государственного архива /бывший партархив/, единица хранения [ЮКРА, КП № 336/4]. В начале 1920-х годов С.Садвокасов принимал активное участие в издании газеты «Кедей сози» («Голос бедняка»), которая изначально печаталась в Омске, а затем в Петропавловске под названием «Бостандык туы» («Знамя свободы»). Тематика его просветительско-пропагандистских статей касалась темы кооперации, поскольку местное казахское население нуждалось в разъяснении сути НЭПа. То есть, его все больше занимают вопросы крестьянского /шаруа/ хозяйства и задачи, как добиться его эффективности. Квинтэссенцией его позиции станет нашумевшая статья «О национальностях и националах» в № 1 журнала «Большевик» за 1928 год. С созданием нового правительства Казахской республики Смагул станет секретарем КазЦИКа, будет исполнять обязанности редактора ряда СМИ, реализуется в должности председателя Госплана, наркома просвещения, в Москве переквалифицируется в инженера транспортных коммуникаций. Однако знания агрономии и основ земледелия пригодились ему при систематизации сведений о территориях и ресурсах присоединяемых областей Туркестана. В его публикациях по теме национально-территориального размежевания в Средней Азии даны характеристики степени аридности (засушливости) Сырдарьинской и Семиреченской областей. Этот факт отражает реальное влияние толстовства на умы казахской молодежи, в плане уважительного отношения к земле и людям, которые на ней трудятся.

Выводы. Приведенные выше примеры доказывают, что коммунисты не были единообразной массой без собственных исканий. Среди них были выдающиеся личности, искавшие ответы на вопросы глобального плана о судьбах народа, государства. Толстовство имело вне национальный и внеконфессиональный характер, оно оказало влияние на взгляды в том числе казахской передовой интеллигенции. Толстовские заповеди оказались полезны в

плане оседания для автохтонного населения Степи, как образец ненасильственного добровольного опыта. Литературный гений русского классика обрел почитателей и переводчиков в Казахстане, в особенности его произведения с восточными сюжетами. Среди казахов, членов РКП(б) 1920-х годов, работавших в Оренбурге, Омске, Смагул Садвокасов выделяется духовными исканиями. Он заинтересованно впитывал смысл статей Л.Толстого, книг О.Шпенглера, не ограничиваясь традиционным мусульманским воспитанием в аульном мектебе. Коммуна как модель коллективного земледельческого хозяйства оказывалась объектом его интереса в период работы в Казахстане. В омский период деятельности Садвокасова однозначно установить его личное участие в коммунах не удалось. Его приверженность идеям Л.Н.Толстого в годы учебы в Омске в 1915-1916 гг., затем, в годы гражданской войны переключилась на приоритеты идеологии Алаш (конец 1917– март 1919 гг.). Город Омск находился в эпицентре гражданского противостояния, и данный фактор серьезно повлиял на мировоззрение казахской молодежи, активно перешедшей к работе в редакции созданной в Омске казахской газеты «Кедей сози» (1920) с целью разъяснения позиций разных политических сил для коренного населения. В указанный период Смагул Садвокасов не случайно пишет ряд статей о пользе кооперации. После окончательной победы Советской власти в регионе, совместно с амнистированными алашевцами, Садвокасов официально переходит на большевистскую платформу. В оренбургский период (1920–1924), став членом КазЦИКа и ВЦИК, Садвокасов отходит от толстовства и активно задействован как инструктор в Семипалатинской и Тургайской областях, по организации республиканского комсомола, проявил себя на работе в наркомате просвещения, в Госплане республики и как литературный работник, редактор газет «Ортен» и др. Следующий, кызылординский период (1925 - март 1927) неожиданно возвращает С.Садвокасова к толстовству, точнее, с приездом в столичную область австрийских переселенцев и образованием коммуны «Ульфельд». В качестве наркома просвещения Смагул посещает коммуну в пределах хронологического отрезка май – июнь 1926 года, как редактор республиканских изданий «Енбекшил казак» и журнала «Кызыл Казакстан», также по вопросам школьного обучения детей коммунаров, и как заинтересованный агроном с дипломом Омского учебного заведения. В этот период в статьях он вновь возвращается к целям и задачам кооперации, нацеливая на популяризацию данной формы коллективных хозяйств среди местного населения. [Муканова, 2013б: 52]

Следующий, ташкентский период (1927) деятельности С.Садвокасова, слишком кратковременен, чтобы зафиксировать его интерес и посещение действовавших в пределах Туркестана, под Ташкентом, толстовских коммун, о которых было известно до революции. [ЦГА РУзб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 351. Л. 75-75об.] Ректор Казпедвуза, Садвокасов в указанный период полностью концентрируется на специфике национально-государственного строительства и

практике индустриализации. Наконец, завершающий, московский период жизни и деятельности С.Садвокасова (1928 - 1933) заполнен освоением новой для него профессии инженера коммуникаций, учится в Институте инженеров транспорта. Одновременно он работает как научный сотрудник в Институте востоковедения и издает труды по региональному краеведению. Последний этап его короткой жизни пришелся на работу в районе строительства крупной стальной магистрали Донбасс-Москва, и парадоксально, но факт: именно тогда в 1932–1933 годах он был свидетелем крестьянских бунтов в районе строительства, как следствия ошибочной практики продналога к бедным хозяйствам, что в условиях неурожая привело к социальному кризису. То есть, на протяжении всей своей активной социально полезной деятельности, С.Садвокасов с государственных позиций проводит линию повышенного внимания к аграрной практике, четко понимая роль земледелия в народном хозяйстве Казахстана. Ранняя общественная и литературная активность, знакомство с трудами Л.Толстого и моделью толстовских коммун безусловно помогли молодому члену правительства КазАССР находить нужные доводы в публицистической работе и коммуникациях с членами коммун, которые ему удалось посетить.

Социальное равенство, ненасилие, самосовершенствование, непотворение злу, просветительство через беседы и проповеди, вегетарианство, - эти и другие постулаты толстовства на изломе эпохи и кризиса монархий были популярны, что очевидно на примере его последователей в России и Японии. Одни внедряли их на практике, на основе сельскохозяйственных коммун, другие – в плане идейного подражательства и творческих проектов в литературной деятельности, третьи – прониклись смыслом толстовских норм общежития. Безусловно, влияние идей Л.Н.Толстого распространилось в исследуемый период по всей Евразии, будучи «лучом света в темном царстве» безысходности, с началом Первой мировой войны. Казахская действительность начала XX столетия, ислам как наиболее распространенная в крае религия, аульные школы-мектебы с азами Корана и минимумом предметов, в основном обучение письму, чтению и счету. Отец Садвокасова знал арабскую грамоту. Парадоксально, но факт: толстовство увлечет молодого человека с описанным выше социальным багажом. Неверным было бы утверждать, что Садвокасов, будучи приверженцем толстовства в молодые годы, отказался от ислама, религии отцов. Согласиться с утверждением подобного рода нельзя по нескольким причинам.

Первое. Толстовство в исследуемый исторический период – в начале XX века, - было вне- или над-конфессиональным учением. Соответственно, человек, примкнувший к толстовству, не обязан был расставаться с религиозной идентификацией, данной ему при рождении. Садвокасов усвоил основные постулаты и пронес почитание к идеям классика невзирая на партбилет.

Второе. «Вживание», по приведенному в тексте статьи выражению Н.Бердяева, в толстовство и другие направления и системные учения, в регионе Западная Сибирь – Казахстан, априори не предполагало категорического отказа

от традиционных верований. Казахи-мусульмане-сунниты дополняли свои представления о мире и посредством толстовства, что само по себе интересно, и приходили к практическому познанию земледелия, организации сельскохозяйственных коммун. В деятельности Садвокасова С.С. теоретические знания впоследствии воплотились в публицистике. Известен ряд его статей о пользе кооперации, вышедшие в казахских газетах.

Рекомендации. Изучение источников и компаративный анализ сведений о толстовстве в регионе Западная Сибирь и Казахстан, показывает, что учение имело распространение и последователей на рубеже XX века. Развивая традицию переводов Льва Толстого, заложенную во второй половине XIX века просветителями И.Алтынсариним и другими, Смагул Садвокасов, Мухтар Ауэзов в юности относили себя к толстовцам. Не секрет, что произведения русского классика импонировали бунтарским духом Алихану Букейханову, который издал переводы их на казахский язык под псевдонимом в начале 1920-х годов. С приходом к власти большевиков, на первоначальном этапе власть не относила толстовцев к разряду «классовых врагов» и более того, использовала их тяготение к сельскохозяйственному труду и коммуны в качестве образца для подражательства. Один из экспериментов с участием австрийских переселенцев был организован в Казахской автономной республике, с надеждой на то, что и местное население скорее приобщится к земледелию. Администрация Казкрая на старте индустриализации еще имела право распоряжаться землями и сдавать их в аренду на длительные сроки иностранным гражданам, разумеется, с ведома центральной власти. Такие примеры сотрудничества с капиталистической страной (Австрия) и получением техники и субсидий для подъема хозяйства в столичной, Сырдарьинской области впоследствии послужили отрицательную роль: большинство членов Казахского правительства были репрессированы. Парадокс в том, что существовавшие в тот период учения и духовные практики имели возможность сосуществовать, но постепенно нивелировались в горниле «магистральной» марксистско-ленинской идеологии.

Библиография:

1. Петрова Е. Е. Российско-индийские исторические связи в документах и материалах архивов Л.Н.Толстого и музея-усадыбы «Ясная Поляна». Автореферат дисс.к.и.н. 2003.
2. Прокопчук Ю.В. Лев Толстой и индийская религиозно-философская мысль: точки соприкосновения // Сб мат.конф. «Лев Толстой и время». ТомГУ. Том 1. Выпуск 5. Томск, 2010. С. 221–231.
3. Петухова Т. В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.). Ульяновск, 2008.
4. Green M. Tolstoy and Gandhi. Man of Peace. N.Y. 1983. 319 p.
5. Birukoff P. Tolstoy und der Orient. Brief und sonstige Zeugnisse uber Tolstois Beziehungen zuden Vertretern orientalischen Religionen. Zurich, Leipzig, 1925. 265 p.

6. Эдельштейн М. Расшифровка «Лев Толстой и толстовство». Радиокурс. Арзамас. <https://arzamas.academy/materials/1380>
7. Zorin, Andrei. Leo Tolstoy (Critical Lives). Reaktion Books. 2020.
8. Kentish, Jane. Leo Tolstoy. A Confession and Other Religious Writings. Penguin Classics. 1988. 240 p.
9. Parini, Jay. Last Steps: The Late Writings of Leo Tolstoy. Penguin Classics. 2009. 336 p.
10. Chesterton, Gilbert , Perris, George, Garnett, Edward. Leo Tolstoy. Petrocast eBooks .2013: 5027 KB
11. Воспоминания крестьян-толстовцев / сост. А.Б.Рогинский. М.: Книга, 1989. 479 с.
12. Муканова Г.К. Смагул Садвокасов и Лев Толстой // Сборник материалов «5-е Багизбаевские чтения «Литература и язык в поликультурном пространстве». Алматы, 2013б. СС. 156–159.
13. Петров Д.С., Должиков В.А. Коммуны толстовцев Западной Сибири: социальный состав и хозяйственно-экономическая деятельность //Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80). С.193-197.
14. Муканова Г.К. Социальная журналистика Казахстана. Первая треть XX в. Алматы: Казак университети, 2015. 229 с.
15. Муканова Г.К. Публицистика Смагула Садвокасова. Алматы: Казак университети, 2013а. 175 с.
16. Исина Н.У. Проблемы русско-казахских литературных связей: опыт систематизации // Диалоги классиков — диалоги с классикой: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. (Эволюция форм художественного сознания; вып. 4). с. 181–193.
17. Смагулов Ж.К. Унисон великих (о переводах Ш.Кудайбердиевым произведений Л.Толстого) // Материалы Толстовского сборника-2012. Тула: Издательство Тульского гос.пед.университета, 2012. 394 с.
18. Советская Сибирь. Новосибирск. № 54 (1892). 1926 марта 6. С.2. <https://www.prlib.ru/item/447870>
19. Акутагава Р. (2017) Ворота Расемон: рассказы. Пер.с яп. СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2017. 544 с.
20. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга., 1991.446 с.
21. Сатпаева Ш.К.Вечные времени. Избранные статьи и исследования. Том IY. Алматы: Гылым, 2000. 600 с.
22. Ромашкина С. Красная столица // Интернет-журнал Власть. ноябрь 2019 г. <https://vlast.kz/istorija/30638-krasnaa-stolica-kak-perenosili-centr-iz-orenburga-v-kzyl-ordu.html>